

Егор Гайдар:

«Ограничена возможность делать глупости»

За крупнейшими спекулянтами — реальные инвесторы

Сейчас кто-то говорит о подъеме в экономике, кто-то о спаде, стагнации, кризисе. Есть все-таки, по-вашему, какие-то реальные предпосылки роста промышленного производства или мы пока находимся на этапе падения?

Я считаю, что мы находимся на этапе стабилизации. Если говорить об объеме производства, то наша статистика недостаточно совершенна, чтобы делать выводы исходя из того, что у нас объем производства вырос на 1,2 процента. В целом пока можно говорить только о том, что все изменения не превышают погрешности расчетов. Ясно, что основные факторы, позволяющие надеяться на начало экономического роста, сформированы. Я могу назвать Пермь, Самару, Мурманск и т. д. Видно, что начинают расти отдельные отрасли, причем не только сырьевые.

Опросы, которые проводит наш институт, показывают резкий рост оптимистических настроений среди директоров предприятий на протяжении последнего полугодия. А вот особенно о росте я пока высказывался бы крайне осторожно.

Вы в свое время говорили о том, что главное — это развернуть финансовые потоки в промышленность. Происходит ли это сейчас и в достаточной ли степени?

Происходит. Я это вижу не только на макроуровне. Знакомые руководители крупнейших банков лихорадочно создают департаменты кредитования реального сектора, ищут платежеспособных клиентов. Сейчас конкуренция уже идет не столько за кредитные ресурсы, сколько за возможности выгодного и надежного размещения кредитов в реальном секторе.

Можно ли рассчитывать только на наши внутренние средства? Насколько велика роль внешних инвестиций в данном потоке?

Она сейчас значительна. Обычно видно, как сначала приходят рискованные спекулянты, потом — крупнейшие спекулянты, и за ними начинают тянуться прямые инвесторы. Вот сейчас мы на тон стадии, когда уже пришли настоящие крупные спекулянты и появляются крупные прямые инвесторы. Конечно, их интересуют телекоммуникации, нефтегазовый сектор, но интересы расширяются. Это я вижу по набору руководителей крупнейших мировых корпораций, которые иногда заходят, бывая в Москве.

Возможен ли какой-то вред нашей слабой экономике от спекулятивных инвесторов?

Краткосрочные потоки капитала они и есть краткосрочные. Финансовые спекулянты — это не бранное слово. Оно просто характеризует стиль их операций. Но спекулятивный капитал, с другой стороны, такой коршун, который набрасывается на экономику страны, как только в ней правительство или Центробанк начинают делать глупости. Если у тебя значительная часть рынка состоит из международных денег, это существенное ограничение на возможность делать глупости.

Сейчас, к сожалению, все наши заимствования уходят на долги государства по зарплате, пенсиям. Чем отдавать-то будем?

Заимствовать для того, чтобы вкладывать в производство, тоже не очень хорошо. Если говорить о государственных заимствованиях, то для меня сейчас существует один вариант — они необходимы для того, чтобы сделать лучше структуру нашего долга, сделать лучше структуру общую стоимость обслуживания долга, увеличить сроки... То есть главные задачи: долг должен стоить нам дешевле, сроки нашей задолженности должны расти, сроки погашения должны быть макси-

мально равномерными. А повышение рейтинга нужно еще и для расширения возможностей доступа российских предприятий на рынки капитала. Рейтинг компании и банка не может быть выше рейтинга страны.

Идет волна слияния и поглощения банков. Я беседовал со многими региональными банкирами, они говорят: у нас одна мечта — продаться, мы не выживаем. Как в этой ситуации будет развиваться банковская система?

На мой взгляд, процесс абсолютно естественный. Банковская система возникла в условиях экстремально высокой инфляции. Кстати говоря, сама идея резко либерализовать банковскую систему до либерализации всей экономики могла прийти в голову только Николаю Ивановичу Рыжкову, прошу прощения, девственно невежественному в экономических вопросах.

Тогда возникла ситуация, когда можно было просто качать деньги из воздуха. Сейчас начинается реальная жизнь с гораздо более ограниченной прибылью банка, с очень жесткой конкуренцией, с концентрацией банковского капитала. И я не хочу гадать, будет это 800 или 1000 банков, но ясно, что их количество будет существенно меньше, чем сегодня.

Экономический романтизм

Что новый Налоговый кодекс даст хорошего и даст ли вообще что-то в изменении принципов налогообложения?

Налоговый кодекс является сейчас предметом очень острой борьбы, и сказать, что он даст, можно будет после того, как станет понятно, в какой форме он принят. Я могу сказать, какие основные идеи закладываются разработчиками.

Первое: резкое ограничение круга применяемых налогов. Второе: ограничение налогового произвола местных органов власти. Третье: упорядочение процедур расчета налогов — не должно быть налогов, которые считаются по разным правилам в разных регионах. Четвертое: резкое снижение предельных уровней налогообложения доходов.

Выравнивание ставки налогообложения прибыли и заработной платы устраниет стимулы к перераспределению различных видов затрат. Так что, в целом, если Налоговый кодекс примут, мы получим налоговую систему, которая, конечно, многим не будет нравиться (я ни разу не видел налоговой системы, которая бы всем нравилась), но мы получим налоговую систему современную, не худшую, чем в любой из стран Восточной Европы.

Вы сказали о том, что изменится отношение к налогоплательщику, уменьшится стимул к уходу от уплаты налогов, то есть фактически дается некий шанс теневой экономике выйти из тени.

Самое важное, что можно сделать, — в максимальной мере убрать налоговые лазейки и снизить предельные ставки налогообложения. Тогда есть шанс, что стимулы к уклонению от уплаты налогов резко снизятся. Когда вы говорите коммерсанту: «Плати 90 процентов налогов, но твой сосед не будет платить налогов вовсе, потому что у него льгота», — конкуренции не будет. Когда ты говоришь: «Будете платить существенно меньше, но все», — то это серьезный стимул к легализации доходов.

Поддерживаете ли Вы в какой-то мере идею амнистии вывезенных капиталов?

Я не энтузиаст и не категорический противник такого решения. Во всякой зтае немало экономического романтизма. Капитал и уходит из России, и возвращается огромными потоками. Капитал хорошо знает, как это сделать. Для того чтобы он пришел, никаких амнистий не надо. Надо

создать привлекательные условия для прибыльного ведения дела. А любые амнистии накладывают неприятный отпечаток на поведение: если один раз простили, то и еще разок простят.

«...Самое приятное из того, что можно делать»

Как Вы относитесь к процессу перехода коммерсантов из коммерции в правительство и обратно?

Во-первых, это неизбежно в условиях рыночной экономики, так как кадры откуда-то нужно брать. И ничего не сделаешь с тем, что кто-то сохранил знания, связи и т. д. В некотором смысле это нормально, потому что работа в государственном аппарате дает большой опыт, знания, связи и поэтому во всем мире оплачивается невысоко. Привлечение талантливых людей в государственный аппарат часто предполагает, что они там работают, а потом используют знания, опыт, связи, уходят в частный бизнес. Там зарабатывают много денег, приходят в госаппарат на другой уровень и т. д.

Конечно, в тех же США законодательство довольно жестко предписывает, что можно и чего нельзя себе позволить с бывшими партнерами по бизнесу и что может делать человек, ушедший из правительства в бизнес. Я хорошо помню, как мой старый знакомый, ныне министр финансов США, Рубин перешел на пост экономического советника президента. У него было полное и неизбежное табу на общение со своими старыми коллегами по работе.

Вот г-на Чубайса назвали лучшим министром финансов года. Но разве он все сделал, что мог? Нельзя ли было сделать больше за это время?

Как вам сказать, ведь это два разных вопроса: был ли он министром финансов года и можно ли было сделать больше. Я слишком дружен с Анатолием Борисовичем, чтобы судить его. Мне кажется, что присужденное ему звание — это справедливая оценка. Я знаю довольно хорошо многих министров финансов и считаю, что он за короткий срок сумел добиться продвижения по ряду ключевых направлений.

Что Вы имеете в виду, говоря о ключевых направлениях?

Это налоговая реформа, улучшение бюджетного процесса, формирование системы национального казначейства, реалистичный бюджет на 1998 год, изменение бюджетных процедур, кроме изменения нормальной финансовой работы. Да, за такой короткий период времени чудес сделать невозможно, но импульс очень мощный по всем направлениям. Конечно, вступление в Парижский клуб — это такая бу-

тоньерочка, свидетельствующая о международном признании наших успехов.

Можно ли было сделать больше? Я бы сказал так: мне хотелось бы, чтобы было сделано больше, и я считаю, что объективно это было возможно по каким-то направлениям. Но это не значит, что кто-то другой на месте Чубайса сделал бы больше.

Имеет ли смысл для государства в проводимой им политике выделить некоторые наиболее приоритетные отрасли, обеспечить им тепличные условия, чтобы создать точки роста для всей экономики?

Знаете, это старая-старая дискуссия по поводу выбора приоритетов селективной промышленной политики. Мировой банк провел в 1993 году исследования практики селективной политики и понял, что столько же раз эта политика использовалась для того, чтобы защищать угасающие отрасли, сколько и для того, чтобы поддерживать действительно восходящие. Я хорошо помню, как мой старший друг Евгений Ясин пришел в правительство. Он долго говорил про необходимость селективной политики, выделения приоритетов, в частности биотехнологии и авиакосмической отрасли, а по жизни Минэкономики вынуждено было давать деньги на угольные субсидии и сельское хозяйство. Я не верю, что в реальной политической ситуации, с такой Думой, с таким госаппаратом, возможен эффективный выбор приоритетов. Боюсь, что это приведет либо к созданию налоговых лазеек, либо к разбазариванию государственных средств.

В принципе, Вы допускаете для себя возможность возвращения в правительство?

Я ничего не исключаю. И не считаю сейчас это ненужным и невероятным. Полагаю, что та роль, которую мы сейчас играем, по существу помогая правительству выработать и реализовывать разумную, с нашей точки зрения, стратегию, — это самое приятное из того, что можно делать.

ИНТЕРВЬЮ ПРОВЕЛ СЕРГЕЙ БОГДАНОВ

ЗЕРКАЛО ВАШЕГО БИЗНЕСА

Оперативная справочно-информационная служба:
«Консультации по налогообложению»

1. Оперативные консультации по телефону.
2. Подтверждение консультаций факсимильным протоколом.

Направления:

- налогообложение
- бухгалтерский учет
- экономика
- финансы

Оплата производится после получения консультации (справки!)

Контактный тел. 921-82-21 (с 10.00 до 18.00)